

свещения не могли стоять в стороне от злободневных проблем русской жизни, каковым являлось крепостное право.

Примечания

- ¹ Цит по: *Светлов А. Б.* А. С. Кайсаров и его просветительская деятельность // Московский университет и развитие философской и общественно-политической мысли в России / под общ. ред. И. Я. Щапова. М., 1957. С. 81.
- ² НИОР РГБ. Ф. 233 (С. Д. Полторацкого). Картон 10. Ед. хр. 2. Л. 3.
- ³ См.: *Семевский В. И.* Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX века // Русская старина. 1888. № 5.
- ⁴ Русские писатели. Библиографический словарь. М., 1971. С. 343.
- ⁵ Там же.
- ⁶ Там же. Л. 7–8.
- ⁷ От слова «инаугурация» (лат. Inauguratio – начало, посвящение) – торжественный акт введения в должность высокого должностного лица, торжественная процедура вступления в должность (нередко с инаугурационной речью). Первонач. в Древнем Риме.
- ⁸ НИОР РГБ. Ф. 233 (С. Д. Полторацкого). Картон 10. Ед. хр. 2. Л. 9.
- ⁹ *Кайсаров А. С.* Об освобождении крепостных в России // Русские просветители (от Радищева до декабристов) : Собрание произведений : в 2 т. / под ред. И. Я. Щипанова. М., 1966. С. 360.

- ¹⁰ *Лёвин С. В., Тотфалушин В. П.* Жизнь и деятельность Кайсарова // Четыре века : сб. статей, посвящённый 400-летию Саратова. Саратов, 1991. С. 190.
- ¹¹ *Радищев А. Н.* Беседа о том, что есть сын отечества // Избранные философские и общественно-политические произведения / под общ. ред. И. Я. Щипанова. М., 1952. С. 278.
- ¹² *Пнин И. П.* Опыт о просвещении относительно к России // Сочинения / под ред. Вл. Орлова. М., 1934. С. 125.
- ¹³ *Кайсаров А. С.* Об освобождении крепостных в России. С. 360.
- ¹⁴ Там же. С. 361.
- ¹⁵ Там же. С. 381.
- ¹⁶ Там же. С. 361–362.
- ¹⁷ Там же. С. 369.
- ¹⁸ *Пнин И. П.* Указ. соч. С. 132.
- ¹⁹ *Кайсаров А. С.* Об освобождении крепостных в России. С. 362–363.
- ²⁰ Там же. С. 366.
- ²¹ Там же. С. 368.
- ²² Там же. С. 370–371.
- ²³ Там же. С. 376.
- ²⁴ Там же. С. 377–378.
- ²⁵ Там же. С. 380.
- ²⁶ Там же. С. 381.
- ²⁷ Там же.
- ²⁸ Там же. С. 369.
- ²⁹ Там же. С. 386.
- ³⁰ *Светлов Л. Б.* Указ. соч. С. 94.

УДК 303.446.4(47+430)+929 Петр I

ПОПУЛЯРИЗАЦИЯ ОБРАЗА ПЕТРА ВЕЛИКОГО В КОНТЕКСТЕ РУССКО-НЕМЕЦКОГО ДИАЛОГА (1870-е гг.)

С. Ю. Колесникова

Саратовский государственный университет
E-mail: April.88@inbox.ru

Статья посвящена популяризации образа Петра Великого в среде читающей общественности и роли в этом процессе историков А. Г. Брикнера и К. фон Вебера.

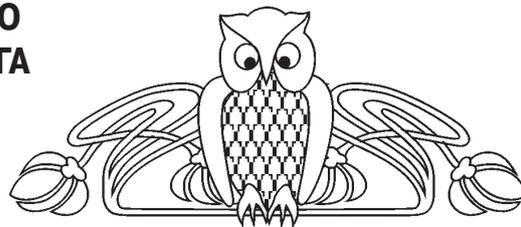
Ключевые слова: Петр Великий, популяризация истории, русско-немецкий диалог, А. Г. Брикнер, К. фон Вебер.

Popularization the Image of Peter the Great in the Context of the Russian-german Dialogue (1870s)

S. Yu. Kolesnikova

The article is dedicated to popularization the image of Peter the Great, among the reading public and the role in this process historians A. G. Brikner and K. von Weber.

Key words: Peter the Great, popularization of history, russian-german dialogue, A. G. Brikner, K. von Weber.

В череде событий 1872 г. одним из самых значимых было празднование 200-летия со дня рождения Петра Великого. Память об императоре увековечивали различными способами. Видные ученые и общественные деятели выступали с публичными лекциями: С. М. Соловьев, помимо выступления с «Публичными чтениями о Петре Великом», открывал торжества своей речью 30 мая в Московском университете в присутствии великого князя Константина Николаевича, а К. Н. Бестужев-Рюмин произнес речь 31 мая на торжественном собрании университета в Санкт-Петербурге¹. Лекции читались также и для детей, к примеру, в Мозырской гимназии (Минской губернии) в день праздника были отменены классные занятия, а затем ее директор

М. М. Изюмов обратился к воспитанникам с речью, отличавшейся «приспособленностью языка к пониманию учащихся детей и теплотою чувства»². Она начиналась с почитания памяти приснопамятного монарха и великого преобразователя Петра Великого, а заканчивалась обращением к «настоящему преобразователю» – Александру II – «Государю-освободителю двадцати миллионов»³. Слушая это во всех отношениях воодушевляющее выступление, дети представляли Петра I в образе исполина, полубога, могучего духом и крепкого телом, отцом отечества и первым императором, давшим «народу новую жизнь, славу и счастье»⁴.

На художественных выставках экспонировались приуроченные к юбилею картины, как, например, «Петр I, допрашивающий царевича Алексея» Н. Н. Ге и «Дедушка русского флота» Г. Г. Мясоедова. Торжества должны были сопровождаться и открытием памятников – 30-го мая под пушечный салют из 31 выстрела произошла закладка такового в Петрозаводске, но сам памятник открыли только спустя год, поскольку к юбилею он оказался не готов⁵. К открытию Политехнической выставки в Москве, также приуроченной к юбилею, П. И. Чайковским была написана кантата – «В память двухсотой годовщины рождения Петра Великого». Наконец, количество печатной литературы на юбилейную тему достигло своего апогея, что явилось причиной создания отдельного библиографического указателя⁶.

С одной стороны, празднование петровского юбилея, несомненно, сопровождалось всплеском интереса к фигуре первого императора и его реформаторской деятельности, но, с другой стороны, мы можем вслед за Е. Ф. Шмурло констатировать, что «юбилейная литература 1872 года не много подвинула нас вперед... Она отражала на себе современное ей состояние науки а следовательно, и ее незаконченность, ее пробелы в оценке реформы»⁷. Н. К. Михайловский, анализируя качество юбилейных изданий, писал о наличии в них в большом количестве общих мест и «расшаркиваний перед нынешним временем», но находил «очень мало такого, что было бы действительно достойно памяти гиганта русской истории»⁸. Авторы большинства работ, будь то газетчики или сочинители «довольно безграмотных брошюр» – Божерянов и Куприянов⁹ – все они, по мнению Михайловского, злоупотребляли приемом поиска «следов Петра»: «Что же такое следы Петра? Я не знаю, все ли авторы юбилейных брошюр, статей и речей задавали себе этот вопрос. Верно только то, что все они предлагают нам идти по следам Петра»¹⁰. Пересказывая в качестве примера содержание книги П. Н. Петрова «Петр Великий, последний царь московский и первый император всероссийский», в которой император представлен «безалаберно странствующим пиротехником», Михайловский, в свойственной ему саркастической манере, предлагал читателям журнала также пойти по следам Петра и «жечь

фейерверки, тем более что это весело и к нашему теперешнему настроению подходит»¹¹. Кроме того, он писал и о болезни современной литературы – мелкости интересов и идей, выразившихся во внимании издателей и авторов преимущественно к сырому историческому материалу, в невероятно больших количествах публикуемого на страницах журналов: «Не поучений, не указаний, не смысла ищем мы в нашем прошедшем, ибо мы только собираем материалы, не пытаюсь так или иначе их группировать и осветить. Издатели и собиратели движимы преимущественно трудолюбием, ну и барышами, конечно, а читатели – желанием читать анекдоты. Это доказывается ничтожностью, и в качественном и в количественном отношении, попыток обработать сырой материал, в сравнении с громадным количеством сырья»¹².

Конечно, у издателей была своя точка зрения на этот счет. Признавая наличие определенного количества «книженок спекулятивного свойства», изданных по поводу петровского юбилея, редакторы «Русской старины» приветствовали выход «Сборника выписок из архивных бумаг о Петре Великом» следующими словами: «С наибольшим сочувствием встречаем мы те, которые представляют сырой материал; как ни много писано о Петре, а все-таки сырого, подлинного, архивного материала о нем и его времени очень и очень еще мало напечатано»¹³. Разумеется, Михайловский был далек от мысли вовсе запретить к публикации архивные материалы и, думается, осознавал всю пользу этого трудоемкого и кропотливого труда. Он лишь хотел подтолкнуть пишущую и читающую общественность не просто «разрывать архивы» по пословице «вали валом, потом разберем»¹⁴, предлагать читателям сухие факты и примитивные описания поступков известных исторических деятелей, в частности – Петра Великого, но стремиться объяснять мотивы этих поступков и найти «общую формулу деятельности Петра ... чтобы она, объясняя его деятельность, давала указания и для нашей»¹⁵. В конце концов, историки не оправдали ожиданий Михайловского, который в канун петровского юбилея ожидал от них новой и яркой характеристики Петра и, ни больше ни меньше – уяснения общей формулы его общественной деятельности¹⁶, а в результате – его неутешительное резюме: «... большинство общества не знает Петра, как личности, как характера, очевидно выкроенного руками природы и русской истории из цельного куска и в то же самое время полного, по-видимому, противоречий»¹⁷.

В середине 1860-х гг., когда С. М. Соловьев один за другим публиковал шесть томов, посвященных петровскому времени, Александр Густавович Брикнер (1834–1896) только начинал свою научную карьеру. После своего возвращения из Германии в 1860 г., где он на протяжении нескольких лет слушал курсы по истории, языковедению, философии, антропологии Л. Гейссера, И. Г. Дройзена, Л. фон Ранке в университетах

Йены, Берлина и Гейдельберга, он получил место преподавателя в Училище правоведения. В 1864 г. в Санкт-Петербургском университете состоялась защита его магистерской, а в 1867 г. в Дерпте – докторской диссертации по всеобщей истории. В ноябре 1871 г. он был избран профессором по кафедре русской истории Дерптского университета, где преподавал в течение последующих двадцати лет (вплоть до лета 1891 г.). Круг научных интересов Брикнера был широк – экономическая и военная история, историография и источниковедение, русско-европейские связи XVII–XVIII вв. Историк оставил после себя богатое научное наследие – общее количество его работ насчитывает до 350 наименований¹⁸.

Среди них важное место занимают труды, посвященные Петровской эпохе, начиная с серии статей начала 1870-х гг., открывающих дискуссию о значимости издания записок И. Фоккеродта и О. Плейера, и заканчивая последней прижизненной работой, вышедшей в Готе в 1896 г. на немецком языке с предисловием К. Лампрехта, последний параграф которой был также посвящен Петру I¹⁹. Если охватить взглядом все работы Брикнера по петровской теме, можно заметить, что мысль историка работала в двух направлениях: часть работ носила источниковедческий характер и была направлена на изучение биографий дипломатов и тщательный анализ их сочинений, а также принципы их издания – это статьи, посвященные деятельности И. Фоккеродта, О. Плейера, П. Гордона, Х. Вебера и др.²⁰ Другая часть работ – популярные очерки о главных лицах и событиях петровского царствования, например, очерки о князе В. В. Голицыне или русско-французских взаимоотношениях²¹. Эти два направления тесно связаны между собой – ярким примером могут послужить работы о Патрике Гордоне. Русское издание фактически делится на две части, в первой дается его биография, сведения о семье и служебной деятельности, во второй приведен подробный анализ его дневника. В немецком издании разбор дневника сокращен до минимума, таким образом, во многом источниковедческая работа превратилась в популярный очерк²².

Научная деятельность Брикнера всегда была теснейшим образом связана с его педагогической работой. В одной из статей он описывал занятия со студентами в первые четыре года своего пребывания в Дерпте. Они заключались не только в чтении лекций, но и проведении семинарских занятий, которые были не таким уж частым явлением в университетских программах начала 1870-х гг. На первых порах студенты под руководством профессора на заседаниях читали и обсуждали один источник, затем переходили к сравнению нескольких по одной теме, и в заключение самостоятельно исследовали вопрос целиком по всем имеющимся материалам. На последнем этапе большое влияние на ход исследований студентов оказывали работы самого преподавателя, поэтому

Брикнер считал своей обязанностью сообщать им о результатах своих занятий. К примеру, когда в центре научных интересов историка на какое-то время оказалась личность И. Фоккеродта, в связи с изданием в 1872 г. его записки о России при Петре Великом, еще не вышедшие в печать по этой теме статьи профессора обсуждались на семинарах, причем один из его учеников, А. Юргенсон, впоследствии успешно продолжал изыскания учителя по данной проблеме²³. Плодотворные занятия некоторых учеников Брикнера, таких как В. Штида, И. Галлер, А. Гассельблат, вылились в дальнейшем в кандидатские диссертации²⁴ по петровской тематике и были опубликованы²⁵. Поскольку он сам блестяще владел, помимо немецкого, еще четырьмя иностранными языками²⁶, для него не составляло труда объяснять ученикам и погрешности в переводах, как, например, при чтении различных изданий записок Д. Перри или Х. Манштейна²⁷.

Кроме того, на семинарских занятиях, посвященных анализу источников, Брикнер вместе со студентами разбирал преимущества и недостатки способа издания того или иного документа. С критикой существующих в то время принципов изданий источников он неоднократно выступал и в печати. Он обращал внимание читателей на содержание томов «Архива князя Воронцова»: во-первых, отсутствовал какой-либо план издания архива, так что нелегко было разобраться со всем громадным количеством сырья, а во-вторых, большинство опубликованных писем написаны на французском языке – рядовой читатель вряд ли был достаточно подготовлен к такому чтению, тем более, что перед ним вставал и другой вопрос – о мере владения иностранными языками. В связи с этим историк отмечал национальный характер исторической науки, в противовес космополитическому значению других наук: «круг читателей самых важных трудов замечательнейших историков ограничивается их соотечественниками... труды Костомарова, Погодина, Соловьева остаются почти неизвестными вне пределов России»²⁸. И хотя сочинение Карамзина было в свое время переведено на разные языки²⁹, попытка перевести на немецкий язык труд Костомарова «Русская история в жизнеописаниях» оказалась неудачной, а «об издании перевода “Истории России” Соловьева нельзя было и думать»³⁰.

Похожая ситуация с изданием источников складывалась и со «Сборником Императорского Русского исторического общества»: его тома «заключают в себе сырье, более или менее трудно доступное обыкновенным читателям»³¹. Брикнер отмечал, что «издатели сырого материала, как видно, рассчитывают на читателей неспециалистов, среди которых также распространено мнение, будто все это уже составляет цель науки. Едва ли такой способ популяризации истории окажется полезным в видах истинной исторической эрудиции. Дилетанты, занимаясь чтением сборников,

документов, писем, депеш не знакомятся с какими-либо результатами науки, забавляясь скорее совсем фрагментарным, бессвязным, историческим хламом»³². Такое положение дел создавало неудобства не только для дилетанта, но и для специалиста, который, занимаясь «изучением какого-либо частного вопроса... постоянно находится в опасности не обратить внимания на материал, напечатанный там, где вовсе нельзя было ожидать существования чего-либо, относящегося к данному предмету»³³.

В свою очередь, современники Брикнера в один голос говорили о его бережном обращении с опубликованными историческими источниками: «он сортировал, комбинировал, приводил их в движение... ставил их в связь с прежде изданными, облегчал работу над ними дальнейшим исследователям, делал их известными и доступными читающей публике»³⁴. Он принадлежал к числу тех авторов, которые более всего способствовали распространению сведений о русской истории, как в России, так и за границей³⁵. Своими историческими трудами, изданными не только на русском, но и на немецком языках, он, по словам Д. В. Цветаева, «сознательно и намеренно приучал немецкое общество к чтению серьезной литературы по русской истории и подробно знакомил его с прошлым России»³⁶. Среди его многочисленных статей, посвященных Петровской эпохе, есть одна, заслуживающая особенного внимания. Во-первых, это работа способствовала популяризации сведений о Петре Великом, а во-вторых, она являлась ярким примером русско-немецкого диалога. Статья посвящена заграничным путешествиям Петра и основана на архивных материалах, опубликованных немецким коллегой Брикнера – историком и директором Главного государственного Саксонского архива Карлом фон Вебером.

Карл фон Вебер (1806–1879) принадлежал к семье, члены которой в течение нескольких поколений занимали видное положение в администрации и юридической службе Саксонии, в частности, его отец имел чин тайного советника и был известен как один из самых выдающихся преподавателей церковного права своего времени³⁷. Мальчик был очень одарен от природы, свое первоначальное образование он получил благодаря домашним учителям, а в дальнейшем обучался в княжеской школе Св. Афры в Мейсене³⁸. Большое влияние на него оказал И. Г. Крейсиг, специалист в области древнеримской истории и филологии, раскрывший ему всю важность исторических исследований. После сдачи выпускных экзаменов Вебер продолжил свое образование – изучал юридические науки в университетах Лейпцига и Геттингена, затем начал свою карьеру со скромной должности в судебном учреждении в Цвикау. Несомненно, его личные качества – ум, трудолюбие и чувство юмора, а, главное, «аристократическая сдержанность»³⁹ по отношению к

«большой политике» – сделали возможной столь успешную карьеру юриста, историка и архивиста. Его научные интересы были связаны в основном с историей Саксонского княжеского дома. Он был автором нескольких монографий: о Марии Антонии Вальпургис (1724–1780), курфюрстине Саксонской, которая была известна своими музыкальными сочинениями, о маршале Франции Морице Саксонском (1696–1750) и др.⁴⁰

Однако известность ему принесли не только его исторические труды, но и неутомимая деятельность на посту директора Главного государственного Саксонского архива (назначен на должность в марте 1849 г.). Благодаря своему несомненному организаторскому таланту он смог привести дела архива в порядок. При этом он никогда не ограничивался лишь отдачей приказов и исключительно руководящей работой, но и принимал самое деятельное участие в ежедневной рутинной работе учреждения. Известные историки, такие как И. Г. Дройзен и Э. Геррманн, с благодарностью признавали, что энергичная деятельность Вебера существенно облегчила им поиск источников в Саксонском архиве⁴¹. Бесспорно, Вебер был первым директором архива в Германии, который придерживался безоговорочного взгляда на то, что разъяснение истории с помощью архивных документов может быть только полезно интересам государства⁴². В одной из своих статей он указывал на то, что в современных условиях более нельзя допускать фальсификации науки и что освещение исторических событий в научном свете не только не содержит в себе ничего опасного, но с политической точки зрения это было бы и самым умным вариантом⁴³.

В 1863 г. он совместно с Э. Вахсмутом основал журнал «Архив Саксонской истории». Веберу удалось собрать вокруг издания лучших сотрудников, и объединенными усилиями журнал в скором времени стал одним из лучших периодических изданий по немецкой местной истории. В программе журнала, помещенной в первом номере, отмечалось, что большинство исследователей пишут «в стол», так как не имеют возможности опубликовать своих материалов, а зачастую просто не доверяют некоторым изданиям. Программа ставила задачей постепенно знакомить читающую публику с историей и укреплять патриотизм, основанный не на фразеологии, а на твердых убеждениях⁴⁴. От авторов требовалось основательное и беспристрастное изображение событий в последовательной связи части и целого. Содержание будущих выпусков должно было охватывать как историю страны в целом, так и ее отдельных частей – городов, монастырей, отдельных семей, историю монархов и народа, историю обычаев и культуры. Разработка каждого предмета в обязательном порядке должна была базироваться на исторической основе с предложением новых точек зрения по тем или иным вопросам⁴⁵. Вебер время от времени публиковал статьи в журнале, так, в

выпуске за 1873 г. вышла его статья, посвященная пребыванию Петра Великого в Дрездене⁴⁶.

В статье рассказывается о поездках Петра 1698, 1711 и 1712 гг. При каждом своем приезде царь постоянно напоминал о своем желании путешествовать инкогнито, не встречать его при въезде в город пушечной пальбой и неоднократно грозился уехать в случае неисполнения его требований. Останавливался он в разных местах, смотря по своему настроению: во время первой поездки он жил в хоромах умершей супруги курфюрста, Элеоноры, в 1711 г. – в гостинице, где его любимым местом стала комната дворника, а при последнем посещении царь неожиданно выразил желание поселиться у придворного бриллианщика Динглингера. За короткие сроки он обычно успевал посетить множество мест – стеклянный завод, оранжерею, пороховую мельницу и др., а в первое свое посещение 1698 г., которое продолжалось только три дня, он успел осмотреть цейггауз, литейный дом, крепость Кенигштейн и ее арсенал, а в кунсткамере побывал три раза, причем первый раз он изъявил желание направиться туда сразу по приезде, в первом часу ночи. Интересно, что именно эпизод с посещением кунсткамеры Дрездена выбрал П. Н. Милюков для подтверждения своих выводов об импульсивном характере царя: «...если Петра займет какая-нибудь мысль, она должна быть осуществлена немедленно. Он приезжает в Дрезден: он был целый день в дороге, люди измучены; уже вечер; время ужина. Ничего не значит: Петр хочет видеть кунсткамеру, – нужно отпереть ее, зажечь свечи и показывать ее Петру целую ночь»⁴⁷. К крепости Кенигштейн⁴⁸ Петр, естественно, проявлял большой интерес, тщательным образом рассматривал все укрепления и орудия и выражал настойчивое желание познакомиться с арестантами, содержащимися в крепости, что было ему разрешено после долгих уговоров. При всей своей занятости царь не пропускал обеды и ужины, развлекал себя и гостей исполнением соло на барабанах, танцевал до утра, смотрел представление в немецком театре, развлекался катанием на карусели и игрой в мяч. Отъезд Петра сопровождался письмами ответственных лиц королю Августу II, в частности, наместника Фюрстенберга, который хоть и благодарил Бога, что все прошло благополучно, но и не считал нужным скрывать радость по поводу того, что дорогой гость, наконец, уехал.

Брикнер поместил изложение статьи Вебера в журнале «Русская старина» в 1874 г.⁴⁹ Он значительно сократил статью, и для наглядности разделил ее на три части, соответствующие трем поездкам Петра. В начале каждой своей работы Брикнер старался помещать подробный историографический очерк, так и здесь историк, не изменяя своим принципам, указывал читателю, что данные о пребывании царя в Дрездене встречались в сочинении Устрялова, а точнее, в приложении к третьему тому⁵⁰. Брикнер ставил своей

целью представить сведения, заслуживающие внимания читающей публики и не встречающиеся ранее – этим объясняется пропуск некоторых несущественных деталей и скучных подробностей поездок царя, как например, даваемого Вебером списка лиц, сопровождавших Петра в 1698 г. (Лефорг, Возницын и др.)⁵¹. Предполагалось, что читатель уже имеет некоторое представление о самых известных событиях. К тому же, размер и характер статьи был обусловлен и форматом журнала. По справедливому замечанию Д. В. Цветаева, «принятие статей в более общественные и распространенные журналы, независимо характера, обуславливается непременно еще “читкостью”, возможно общедоступностью интереса и изложения и сокращением, а чаще полным уничтожением ученых ссылок, цитат и т. п.»⁵². Тем не менее, Брикнер был убежден в необходимости появления таких статей, пусть хоть и в кратком виде, но содержащих в себе не просто сырой материал, но последовательно изложенный анализ событий. Мнение историка о важности изучения поездок Петра базировалось на том простом и логичном заключении, что личное присутствие царя должно было оживлять работу, поддерживать стойкость его сотрудников и, по образному выражению историка, «водворять» в подданных неутомимость, которой отличался он сам⁵³.

Подведем итоги. За несколько лет до празднования петровского юбилея К. Д. Кавелин, давая общую оценку отношения общества к исторической науке того времени, писал: «Мы начинаем чувствовать, что происшествия, решавшие судьбы русского народа, что лица, игравшие большую роль в самые знаменательные эпохи нашей истории, подернуты каким-то туманом, не имеют ярко очерченного образа, и вот, все старания направлены к тому, чтобы разогнать этот туман, сорвать таинственный покров»⁵⁴. Петровский юбилей, призванный напомнить общественности о первом императоре, послужил поводом к появлению большого количества публикаций – сборников архивных материалов, представлявших интерес в основном лишь для узкого круга специалистов и огромной массы брошюр сомнительного содержания, предназначенных для рядовой публики. Тем не менее, работ, доступных широкому кругу образованных читателей, но в то же время опирающихся на научную разработку вопроса, было немного, а общий труд подобного характера и вовсе отсутствовал, поскольку, как известно, сочинение Устрялова осталось незаконченным. Естественно, историки из разных стран понимали важность популяризации истории в равной мере как среди ученых, так и среди неспециалистов, но только с тем условием, чтобы выразительность и простота изложения материала сочетались с обширной и достоверной научной базой. Брикнера и Вебера объединяла не только их учеба в лучших университетах Германии, но и пони-

мание всей важности работы с источниками в сочетании со стремлением просто и интересно преподнести материал. Вебер специально не занимался изучением Петровской эпохи, но найдя в архиве документы, заслуживающие внимания, постарался донести их содержание до читателя. Брикнер, в свою очередь, своими трудами на русском и немецком языках внес большой вклад в популяризацию в России и за границей достоверных научных сведений по русской истории. Статья, изложенная Брикнером по материалам Вебера, была посвящена жизни и деятельности Петра I за границей. Автор фокусировал внимание читателей исключительно на царе, осматривал ли он крепость или присутствовал на спектакле в театре, стрелял из пушки или танцевал до утра – везде мы видим Петра, энергичного и неутомимого. Искушенному читателю статья могла показаться простой и безыскусной, в отличие, к примеру, от публикаций М. И. Семевского 1860-х гг., написанных в беллетризованной форме, полных драматизма и разоблачений. Но именно эта простота делала ее убедительной и выгодно отличала от работ других авторов. Брикнер писал интересным, но в то же время понятным языком с опорой на достоверный материал, не пытался сгустить краски и не затушевывал личность царя шаблонными фразами и характеристиками, тем самым предоставляя читателям возможность самостоятельно оценить информацию, поразмышлять о прочитанном и сформировать свой собственный образ Петра. Именно такие статьи, основанные на достоверном материале и одновременно доступные для понимания, раз за разом публикуемые в печати, закрепляли в памяти читающей общественности правдивый образ деятельного и вездесущего царя-работника.

Примечания

- 1 См.: Соловьев С. М. Публичные чтения о Петре Великом. СПб., 1872; Бестужев-Рюмин К. Н. Причины различных взглядов на Петра Великого в русской науке и русском обществе // Журнал Министерства народного просвещения (ЖМНП). 1872. № 5. С. 149–156.
- 2 О праздновании в учебных заведениях Виленского учебного округа дня двухсотлетней годовщины рождения императора Петра Великого, 30 мая 1872-го года // ЖМНП. 1872. № 10. С. 197.
- 3 Там же. С. 202.
- 4 Там же. С. 198–201.
- 5 См.: Пашков А. М. Памятник Петру I в Петрозаводске. URL: <http://spp.lfond.spb.ru/russia/memorials/114> (дата обращения: 04.03.2013).
- 6 См.: Межов В. И. Юбилей Петра Великого. Библиографический указатель литературы Петровского юбилея 1872 г., с прибавлением книг и статей о Петре I вообще, явившихся в свет с 1865 по 1876 г. включ. СПб., 1881.
- 7 Шмурло Е. Ф. Петр Великий в русской литературе (Опыт историко-библиографического обзора) // ЖМНП. 1889. № 7. С. 118.
- 8 Михайловский Н. К. Литературные и журнальные заметки. Июль 1872 // Отечественные записки. 1872. № 7. С. 138.
- 9 См.: Божерянов И. Н. Очерк истории развития искусств в царствование Петра Великого. СПб., 1872; Курьянов Н. Г. История медицины в России в царствование Петра Великого. СПб., 1872.
- 10 Михайловский Н. К. Литературные и журнальные заметки. Июль 1872. С. 139.
- 11 Там же. С. 140.
- 12 Михайловский Н. К. Литературные и журнальные заметки. Ноябрь 1872 г. // Отечественные записки. 1872. № 11. С. 155.
- 13 Библиографический листок новых русских книг // Русская старина. 1872. № 8. На обороте.
- 14 Михайловский Н. К. Литературные и журнальные заметки. Ноябрь 1872. С. 155.
- 15 Он же. Литературные и журнальные заметки. Июль 1872. С. 144.
- 16 Там же. С. 144–145.
- 17 Там же. С. 144.
- 18 См.: Иконников В. С. Александр Густавович Брикнер. Киев, 1898. С. 7.
- 19 См.: Brückner A. Geschichte Russlands bis zum Ende des 18. Jahrhunderts. Bd. 1 : Überblick der Entwicklung bis zum Tode Peters des Grossen. Gotha, 1896. S. 611–638.
- 20 См., например: Брикнер А. Г. Хр. Фр. Вебер. (Материалы для источниковедения истории Петра Великого) // ЖМНП. 1881. № 1, 2. С. 45–78, 179–221 и др.
- 21 См.: Brückner A. Fürst W. W. Golizyn (1643–1714). Eine biographische Skizze // Russische Revue. 1878. Bd. 13. S. 193–223, 289–320 и др.
- 22 Различие в двух работах ясно видно уже по названиям. См.: Брикнер А. Г. Патрик Гордон и его дневник. СПб., 1878; Brückner A. Patrick Gordon (1635–1699) // Brückner A. Beiträge zur Kulturgeschichte Russlands im XVII Jahrhundert. Leipzig, 1887. S. 355–451.
- 23 См.: Брикнер А. Г. О практических упражнениях при преподавании новой русской истории в университетах // ЖМНП. 1876. № 6. С. 36–37.
- 24 Под кандидатскими диссертациями здесь имеются в виду выпускные сочинения студентов.
- 25 См., например: Hasselblatt A. Otto Anton Pleyer, der erste förmlich accreditirte österreichische Diplomat am russischen Hofe. 1692–1719 // Russische Revue. 1875. Bd. 7. S. 281–316, 415–435 и др.
- 26 Французским, английским, итальянским и шведским.
- 27 См.: Брикнер А. Г. О практических упражнениях при преподавании новой русской истории в университетах. С. 32.
- 28 Он же. Вопросы самообразования // Северный вестник. 1896. № 9. С. 156.
- 29 См., подробнее: Быкова Т. А. Переводы произведений Карамзина на иностранные языки и отклики на них в иностранной литературе // XVIII век. Сб. 8. Л., 1969. С. 324–342.
- 30 Брикнер А. Г. Вопросы самообразования. С. 157.

- ³¹ Брикнер А. Г. Вопросы самообразования. С. 160.
³² Там же. С. 161.
³³ Брикнер А. Г. Об учебных пособиях при изучении истории России // ЖМНП. 1876. № 7. С. 6.
³⁴ Цветаев Д. В. Александр Густавович Брикнер // Русское обозрение. 1896. № 12. С. 846.
³⁵ См.: Александр Густавович Брикнер // Вестник Европы. 1896. № 12. С. 901.
³⁶ Цветаев Д. В. Указ. соч. С. 849.
³⁷ См.: Dr. Karl von Weber. Von Geheimen Rath von Wibleben, Director der Königl. Sächs. Haupt-Staats-Archiv // Archiv für die Sächsische Geschichte. 1880. Bd. 6. S. 356.
³⁸ Старейшее учебное заведение города, основано в 1543 г.
³⁹ Hassel P. Weber, Karl von // Allgemeine Deutsche Biographie. Leipzig, 1896. Bd. 41. S. 346.
⁴⁰ См.: Weber K. von. Maria Antonia Walpurgis, Kurfürstin zu Sachsen. Dresden, 1857; Weber K. von. Moritz, Graf von Sachsen, Marschall von Frankreich. Dresden, 1863 и др.
⁴¹ Hassel P. Op. cit. S. 348.
⁴² Ibid. S. 347.
⁴³ См.: Weber K. von. Das Haupt-Staatsarchiv zu Dresden // Archiv für die Sächsische Geschichte. 1864. Bd. 2. S. 23.
⁴⁴ Vorwort // Ibid. 1863. Bd. 1. S. VIII.
⁴⁵ Ibid. S. X.
⁴⁶ См.: Weber K. von. Die Besuche Peters des Grossen in Dresden // Ibid. 1873. Bd. 11. S. 337–350.
⁴⁷ Миллюков П. Н. Очерки по истории русской культуры. Ч. 3. Национализм и общественное мнение. Вып. 1. СПб., 1901. С. 155.
⁴⁸ Подробнее см.: Штейнфельдер К. Крепость Кенигштейн. URL: <http://spp.lfond.spb.ru/europe/memorials/159> (дата обращения: 04.03.2013).
⁴⁹ См.: Брикнер А. Г. Петр Великий в Дрездене в 1698, 1711 и 1712 гг. // Русская старина. 1874. Т. 11. С. 727–734.
⁵⁰ См.: Устрялов Н. Г. История царствования Петра Великого : в 6 т. СПб., 1858. Т. 3. С. 589–620.
⁵¹ См.: Weber K. von. Die Besuche Peters des Grossen in Dresden. S. 338.
⁵² Цветаев Д. В. Указ. соч. С. 853.
⁵³ См.: Брикнер А. Г. Путешествия Петра Великого за границу в 1711 до 1717 // Русский вестник. 1880. № 11. С. 12.
⁵⁴ Кавелин К. Д. Мысли и заметки о русской истории // Собрание сочинений К. Д. Кавелина : в 4 т. СПб., 1897. Т. 1. С. 586.

УДК 9(470)«18»+929 Мещерский

«РОССИЯ ПОД ПЕРОМ ЗАМЕЧАТЕЛЬНОГО ЧЕЛОВЕКА»: ПИСЬМА В. П. МЕЩЕРСКОГО ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ АЛЕКСАНДРУ АЛЕКСАНДРОВИЧУ ИЗ СЛУЖЕБНЫХ КОМАНДИРОВОК ПО РОССИИ

О. В. Кочукова

Саратовский государственный университет
E-mail: kochukovasgu@mail.ru

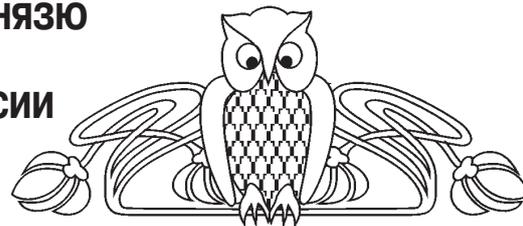
В статье анализируется описание служебных командировок по России В. П. Мещерского (1867–1868 гг.), которое содержится в его письмах к великому князю Александру Александровичу. Исследование выявляет возможности использования данного исторического источника для изучения общественно-политической роли российских травелогов, созданных идеологами русского консерватизма. Автор делает вывод о том, что травелог, адресованный наследнику престола, был использован В. П. Мещерским в качестве одного из средств формирования программы будущего царствования, призванного скорректировать недостатки либеральных преобразований 60-х гг. XIX в.

Ключевые слова: травелог, консервативное движение в России, либеральные реформы 60-х гг. XIX в., публицистика, Российская империя, В. П. Мещерский, великий князь Александр Александрович.

**«Russia from the Pen of a Remarkable Man»:
V. P. Meshchersky's Letters to the Grand Prince Alexander
Alexandrovich from the Business Trips in Russia**

О. V. Kochukova

The description of V. P. Meshchersky's business trips in Russia (1867–1868) contained in his letters to the Grand Prince Alexander

Alexandrovich is analyzed in the article. The research reveals the possibility of using this historical source on the study of the social and political role of the Russian travelogues created by the Russian conservatism ideologists. The author concludes that the travelogue, addressed to the heir to the throne, was used by V. P. Meshchersky as a means of the formation program of the future reign to correct the shortcomings of liberal reforms in 60s of the 19th century.

Key words: travelogues, conservative movement in Russia, liberal reforms in 60s of the 19th century, publicism, Russian Empire, V. P. Meshchersky, Grand Prince Alexander Alexandrovich.

В современной российской историографии не ослабевает интереса к личностям, взглядам и деятельности лидеров общественного движения в России XIX в. Частью этого процесса является публикация принадлежащих им сочинений, мемуаров и переписки. К числу имеющих важное историографическое значение публикаций такого рода с полным правом следует отнести недавно вышедшее в свет издание писем известного консервативного публициста и общественного деятеля В. П. Мещерского к великому князю Александру Александровичу, подготовленное к